

Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ

НАРЫМСКИЙ СКВЕР

Скоро зима этот сквер забелит
до самых ранетных кистей.
Дети гурьбою бегут за белкой,
белка бежит от детей.

Подумаешь, выдался год тяжелый...
Сухая листва хруп-хруп.
Белка хватает с ладони желудь,
белка сажает дуб.

Ключи,
потерянные осенью,
в весенней луже обнаружатся
заржавленные по зубцам.
И надо же —
у самого крыльца.
Поднимешь —
голова закружится.

Вздохнешь,
о воздух горло стачивая...
Сдвигая
будто глыбу серую,
я тяжело, но все же верую,
что где-то
будет все иначе...
в садах течет вода живая...

Ключи со скрипом поворачиваю
и открываю.

Научите меня расставаться легко,
трудно вам разве,
травы,
волнисто текущие через
полусогнутый локоть холма?
Отпусти меня, ма...

Кони дремлют.
На сегодня свое отработали.
Божьи твари:
скакуны горячие, старые ключи.
Кони дремлют,
позвякивая боталами...
Петр перебирает ключи,
не иначе.

Ветер гор непогоду славит,
черное раздувает пламя —
вороною играет гривой.
Повезло: мой конь не пугливый!

Ветер свищет в ущелье черном,
бьет наотмашь бичом крученным,
озерцо разрывает в клочья.
Повезло? Да уже не очень...

Конь в упоре на все четыре.
Ветер — вертел — проделал дырью
в мироздания тонкой ткани.
Повезло... Мы уже на грани!

На тропе... и чернее сажи,
ниже то, где не хочешь — ляжешь...
Вдруг затишье. До дна. До боли.
Снег обрушился. Повезло ли?

Белая река.
Выше берегов — белые луга.

Губы трубочкой, ладони
теплой лодочкой... Позволь мне
мимо острова Буяна,
мимо цепкого бурьяна —
а не страшно,
пусть репьями обметает рукава...

Только пронеси
мимо пустоты,
безымянной бездны мимо, Белая река,
бережно, как мама на руках.

А студеная вода
смывает всю тоску-черноту,
парная вода
уймет в костях ломоту,
а в железной затвердеет
вертикальный солнца скол.
А талая вода —
обновленная душа...
Выше берегов
да на белые луга...
Выше берегов
унеси меня, река,
такой, какую мама нарекла.

Небо белое, пустое...
Не хватает голубей.
Над заснеженным простором
жизнь пернатая грубей.

Жизнь пернатая короче
голубиного шажка,
на январском насте прочном —
пацифистского флага.

Из любви к какому миру
так теплом не дорожишь?
И взлетаешь сизокрыло,
расширяя виражи...

А в ответ — обледенелый
мир обнимет, обоймет...
Голубь сизый... голубь белый...
Кто там снизу разберет?

Как вовремя
нам отключили свет!
От благ цивилизации спасенные,
увидим мы,
что за окошком снег...
В конце апреля
снова чистый снег...
Вот так дела — чудные, законные!

И наша кошка
во дворе одна,
через забор
и дальше, мимо тополя,
прихрамывая,
все туда же топает,
так на снегу отчетливо видна.
И реет хвост...

Весна, весна! Ну вот,
а говорили,
что не доживет.

Это чистая радость побега –
потянулась за снегом рука.
В декабре перебежусь без снега,
а в апреле – никак.

Так и хочется встать на колени,
разбирая постскриптум зимы,
так и хочется в тундре оленьей
раскурить голубые дымь.

И рвануться – следами, слезами,
прожигая зимы полотно.
И жалея, и тут же терзая
снег, сольющийся с небом в одно.

Снег, стреноживший это цветенье...
Стой, весна, закусив удила!
Я еще не промерзла предельно,
я еще до конца не бела.

Он один. Не спит. Читает,
окруженный тишиной,
а в ведре с водою тает
тонкий серпик ледяной.

Восполнением утраты
нарастает лунный диск,
серебря забор щербатый,
хату и тропинку вниз.

Тропку, тропку, по которой,
полнолунию видна,
подниматься будет скоро
та, любимая, одна.

Лето, лето, головокружение,
радость пряная – неужели я
дотянула до лета...
Как бурлак.
Дотянула по берегу черной Леты.
Плечи резал ремень ветра
и вот
от пота обмяк.
Я упала в песок,
чихая от солнечной пыли,
и увидела там, высоко, над рекой забвенья,
надо мной...
Белые птицы плыли,
а река
увеличивала
отраженья.

Сырую, незавершенную Землю,
мою хотя бы на миг,
Ты все еще лепишь, лепишь
весной, особенно в мае.
И вся она в отпечатках светлых
истаивающих Твоих...

А говорят: яблоны облетают...
Яблоны облетают.